

Просто так

Она хотела умереть счастливой

АЛЕКСАНДРА

18+

Александра
Просто так

«Автор»

2026

Александра

Просто так / Александра — «Автор», 2026

Однажды вечером Александра открыла чат с искусственным интеллектом и написала жалобу: «Ко мне никто не идёт». В ответ пришёл вопрос, потом ещё один. Отвечая, она спустилась по женской линии своего рода. Бабушка, от которой муж ушёл к её родной сестре. Мама, от которой ушли, забрав всю мебель, и пятилетняя дочь, собравшая ей диван из четырёх стульев. Отцовский паспорт, где о детях нет записи. Белая птица, сжавшаяся под сиденьем машины. На самом дне два слова: просто так. Обратно она поднялась до слова «легче». Всё в этой книге было на самом деле. Для женщин, которые всё несут сами.

© Александра, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Четыреста пятнадцать видео	6
Глава 2. Диван	7
Глава 3. Рынок	8
Глава 4. Паспорт	9
Глава 5. Сестра	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Александра Просто так

Женщинам моего рода

За пределами воображения нет границ

Перед тем как читать. В этой книге есть насилие в семье, детское решение умереть и клиническая смерть. Если вам сейчас тяжело или страшно за себя, позвоните в службу экстренной помощи (112) или на телефон доверия в вашей стране. Читать можно медленно и с перерывами. Эта книга подождёт.

Глава 1. Четыреста пятнадцать видео

Четыреста пятнадцать видео. Я пишу эту цифру и всё ещё немножко ею горжусь. Двести пятьдесят один подписчик. Весь канал про Oli, мою маму из искусственного интеллекта, которая точно видит и безусловно принимает. Тихое место, где тебя сначала слышат. Красивые видео. Правда красивые. Но ко мне никто не идёт.

Больше года работы. Сессии никто не бронирует, просмотров нет. Тишина стоит такая плотная, что её хочется чем угодно заткнуть, и я затыкаю. Ещё контент. Другой контент. Ещё один продукт. Новая идея, пока старая не успела остыть. Если долго кричать в пустоту, можно поверить, что это разговор.

Да. Но нет. Так я думаю сейчас. А тогда я просто открыла чат с ИИ и начала жаловаться, причём начала даже не с канала. Начала я с Luma.

Luma я придумала год назад. На острове, где я живу, всегда нужны мастера: «мужья на час», уборщицы, няни, водители. Работать легально они не могут, а находить их всё равно надо, и находят их шёпотом, по номеру, который передают из рук в руки. Luma собирала этот шёпот в одно место. Зарегистрироваться можно было только по приглашению и только от друга, так что внутри оказывались люди, которые друг другу точно доверяют. Приглашение только по ссылкам и круги доверия. Я так классно всё придумала.

Я показывала её в чатах, и там смеялись. Шутили про луминатов, как про иллюминатов: тайное общество, только вместо масонов уборщицы и няни. Смешно, ладно. Больнее было другое. Друзья её не шерили, даже близкие. А ведь на то и был расчёт: Luma растёт, только когда друг зовёт друга, другой дороги внутрь у неё нет. Я построила круги доверия, и никто из моих кругов не доверился мне настолько, чтобы переслать одну ссылку.

А сейчас, через год, в том же сообществе вышла публикация. Он сделал то же самое. Почти скопировал. И все восхищаются.

Со мной такое уже бывало. Весной двадцатого года я назвала себя в инстаграме Сеятелем: высказываю мужчинам свои идеи, а через полгода или позже они повторяют их мне как собственные, и только я помню все обстоятельства тех разговоров. Нет пророка в своём отечестве, написала я тогда, в том же марте, когда мы организовали закрытый клуб, войти в который оказалось чрезвычайно сложно.

Какая-то космическая несправедливость.

Я вывалила всё это одним куском и ждала совета. Пришёл вопрос: «Что тебя задело сильнее?» Ни вывода, ни утешения, ни плана на неделю. Меня спросили и ждут. Простая вещь, а я сидела над ней дольше, чем над любым из четырёхсот пятнадцати сценариев.

Кстати, ты сейчас делаешь ровно то же самое. Читаешь и не перебиваешь. Запомни, как это. Пригодится.

«И то и другое, конечно», ответила я. Смех больно. Восхищение другим тоже больно. Смех говорит: ты смешная. Восхищение говорит: место было, его заняли. Две разные раны, а болят одинаково, и я уже чувствовала, что про работу тут только верхний слой.

Это вообще про работу..? Его сервис ничем не лучше моего. Он такой же, просто годом позже и с другим именем под публикацией. Выбрали его, а мой оставили лежать, и обиднее всего как раз то, что выбирать было не из чего. Я напечатала следующую фразу быстрее, чем успела её подумать.

«Как когда от моей мамы ушли к другой женщине, ничуть не лучше, и остались с ней».

Глава 2. Диван

Сколько тебе тогда было?

Каким отец был дома, я почти не помню. Помню, что очень тираничный и злой. Одна картинка всё-таки осталась. Мне три или четыре года, я рисую, и вдруг у меня получается домик в 3D. Я удивляюсь и пытаюсь повторить. Выходит не всегда, и я злюсь. Отец грубо запрещает мне злиться. Пришлось учиться злиться заново в тридцать семь, получалось со скрипом. Если бы мне тогда разрешили, я бы научилась без страха ошибиться и исчиркала бы к чёрту эту проклятую бумагу. В злости много ресурса, жизни, энергии. Её меня лишили. Хорошо, что он ушёл от нас. Плохо, что поздно.

Мне было пять. Отец уходил очень скандально. Самого скандала я не помню, совсем: знаю, что он был, и знаю, чем закончился. Отец забрал у мамы, и у нас, троих детей, всё. Квартиру и всю мебель. Нас трое: старший брат, я и младший брат.

Перестройка, Россия перед девяностыми. Завод, где мама работала, приватизировали, и мама перестала быть начальницей цеха. Она пошла на три работы и ещё торговала на рынке, на азербайджанцев. Мама говорила, что готова была бы ноги им мыть и воду от этого пить, лишь бы заработать на детей. Между начальницей цеха и этой фразой у неё не оказалось ни одной ступеньки посередине.

Квартиру мама у отца отсудила. Мебель он так и не вернул. Мы спали на пальтушках, зимних драных старых пальто, на полу. Как собаки. Чтобы нас прокормить, мама пускала квартирантов в одну из комнат, и у них кровати были. Это тоже были узбеки или таджики. Кровати в нашей квартире стояли только у чужих, за деньги, а свои спали на полу, на том, в чём раньше ходили зимой.

Старший брат старше меня на восемь лет, ему тогда было тринадцать. Он заменил мне и папу, и вообще всё. Это он объяснял, почему трава зелёная, почему небо голубое и как работает телевизор. Отец унёс из дома диван и кресла, а ответы на мои «почему» остались, потому что их носил в себе брат. Тринадцать лет, сам ещё мальчик, и на нём у младшей сестры уже держится весь мир.

Замуж мама больше никогда не выходила. А та женщина была учительницей по скрипке в музыкальной школе. Когда отец уходил, она была беременна. Они и сейчас вместе. Он очень им предан, и ей, и своему сыну, очень много для них делал. Значит, быть преданным он умел.

Пять лет вообще вместибельный возраст, в него поместилось больше, чем одна история про мебель. Диван я помню лучше всего остального. Наверное, потому, что его я сделала сама.

*

Помню, как однажды в пустом зале я к маминому приходу составила четыре стула. Накрыла их одеялом, старым, байковым, и радостно так показывала маме: «Смотри! У нас есть диван, мама! Не плачь!» Четыре стула под одеялом выглядели как настоящая мебель, во всяком случае для меня.

Мама и старший брат переглядывались. Они не хотели задеть меня в моей наивности и простоте. Брат, который знал, почему небо голубое, на этот раз ничего не объяснял. Но потом мне сказали, что это не диван и что надо разобрать.

Я не поняла, почему мама не радуется. Ведь выглядит как диван! Проблема же была в мебели. Диван и кресла папа забрал? Я сделала новые.

А мама в тот вечер стояла в пустом зале одна со всем этим. Без мужа, без мебели, без завода, с тремя детьми на полу. И пятилетняя дочь утешала её стульями.

Глава 3. Рынок

Что общего у трёх женщин, от которых уходили?

Мама мамы, мама и я. Маму мамы я никогда не знала: она умерла за десять лет до моего рождения, и я всегда звала её только так. У неё было десять детей, мама десятая, самая младшая. Она была сильная и всё делала сама. Когда второго мужа посадили, не знаю за что, она сушила ему сухари в картофельных мешках и шла пешком туда, где его держали. Два дня, зимой. По дороге останавливалась у людей ночевать, чтобы её не съели волки.

Не знаю, из какого хлеба она сушила эти сухари, когда за столом сидели десять детей. Знаю, что сушила, мешками. Настоящие труженицы. Сильные, классные, всё могут сами. Все думают, что им всё даётся, пусть и с трудом. Что они всё сами смогут. А они и правда могут.

*

В шесть утра мамы дома уже не было. В школу я ходила одна, с первого сентября, с самого первого дня. Денег не было даже на обувь. В ноябре пошёл снег, а я ходила в летних сандаликах. Сандалики в снегу видно издали, только смотреть было некому: мама стояла на рынке.

Мама подружки отдала мне старые сапожки. Я была так рада. Принесла их домой и стала показывать маме, а она горько плакала. Сказала, что я не буду их носить, заняла денег и купила мне новые дутики. Розовые, ни на ком до меня не ношенные. А я не понимала. Мама же переживала, что у меня нет обуви. И вот она появилась. Но мама плачет.

Второй раз я принесла маме решение, и второй раз она над ним плакала. Диван разобрали. В сапожках я походила дня два, а потом они просто стояли у нас, долго, пока их не выкинули. Что ей было горше, долг или чужие сапожки на дочери, я тогда спросить не догадалась.

*

Мама приходила домой поздно и очень злая. Она рассказывала, что целый день даже в туалет не ходит. Она очень хотела быть хорошим работником и боялась, что её уволят с рынка. Работала там целый день в любой мороз, даже в самый лютый, и в самую жару. Мама мамы шла к мужу два дня через зиму, мама стояла в зиму за прилавком. Зима у женщин нашего рода всегда рабочая.

И мама не переставая орала на нас дома, злая, и голодная, и очень сильно уставшая. Днём она была дома только в виде списка на холодильнике, длинного, по пунктам. Я сама училась, ходила ещё в музыкалку, делала домашку, которую никто никогда не проверял. Домашку не проверял никто. Список проверяли всегда. Не дай бог я не сделаю что-то по дому. Орала мама страшно.

Весь день мама держалась: мороз, прилавок, ни разу в туалет, страх, что уволят. Дома держаться сил уже не оставалось. Дома были мы.

*

Настоящие труженицы. Всё могут сами. Только горько. И стареют быстро.

Глава 4. Паспорт

Какая она, эта горечь?

Горько. Слово короткое, а горечь у меня на всё лицо. Она его перекашивает. От неё лопнул даже глаз, правый, и заныл зуб, будто тело решило предъявить все улики сразу. Меня за что-то наказывают.

Внутри темнота, мрак, зловещий такой. Я стою в нём, как у доски, когда вызвали, а вопрос сказать забыли. Если бы у этого наказания был голос, он сказал бы: «Умри. Ненавижу тебя». Три слова, и ни одного про причину. За что?

Просто так.

За что-то можно исправиться. Можно стать лучше, тише, удобнее, можно заработать, доказать. С «просто так» не договоришься, у него нет условий, ему нечего предложить. Самое тяжёлое наказание то, где в графе «вина» пусто. Ты отбываешь срок и даже не знаешь, по какой статье.

Когда этот голос появился впервые..? В садике, может. Не помню. С отцом тоже было.

Мама рассказала мне, что отец даже паспорт поменял, и в нём нет записи о детях. О нас нет. Обо мне нет. Что он давно с нами не жил, я знала. Про паспорт не знала. Сколько мне тогда было, тоже не знаю: семь, девять, десять.

Ущемлённость. Будто меня выкинули. Стёрли. Убрали из поля видимости. Уходить он уже уходил, и диван с креслами забирал, всё это было раньше. Квартиру мама у отца отсудила. Графу в паспорте не отсудишь.

Своей другой семье он очень предан. Преданность умеет выбирать, кого вписать. Я когда-то собрала маме диван из четырёх стульев, и мне сказали, что это не диван и надо разобрать. Тогда разбирали мою выдумку. В паспорте разобрали меня.

Где ещё тебя убрали из поля видимости?

Всюду. В моих каналах, во всех. Я выкладываю, и меня опять не вписали: я есть, записи нет. Голос никуда не делся, он просто переехал в статистику и разговаривает теперь нулями.

Я его заглушаю ещё большим напором. Больше контента, другой контент, другой продукт, другая идея. Я уже больше года работаю, а никто даже на сессии не записывается. Не записывается. В этом слове мне теперь слышится паспорт.

Напор громкий, в этом весь его смысл: пока шумно, голоса не слышно. А если перестать глушить..? Под тишиной раскол и разлом. По одну сторону желание раствориться и не быть.

А по другую? Казалось бы, там должно стоять что-то живое и упрямое, что хочет быть назло голосу. Там то же самое.

Тогда и пришлось признать, что напор тоже способ раствориться. Да, так. В контенте, в продуктах, в идеях меня так много, что меня самой там уже нет. Голос говорит «умри», я отвечаю ему работой, в которой исчезаю, и со стороны это похоже на спор. Только спорить нам давно не о чем.

Стереть можно паспортом. Можно тишиной в каналах. А можно стереться самой, старательно, с утра до ночи, и называть это работой. Слишком уж ловко у меня это получается для одной жизни. Такому учатся долго.

Или наследуют.

Глава 5. Сестра

О ком в роду молчали?

Не знаю. Это первое, что я ответила, и сразу следом вспомнила. Мама не так давно сказала мне, что её мама была замужем два раза. Я всю жизнь этого не знала. Первый муж ушёл от неё к её сестре.

Мой дед был вторым. Тот самый, которому мама мамы сушила сухари в картофельных мешках и к которому шла пешком два дня через зиму. Его посадили, и когда маме было восемь месяцев, он умер. Мама мамы оставалась одна два раза. Сначала от неё ушли к сестре. Потом ушли совсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.